

регулювання зовнішньоекономічної діяльності.

Розглядаються питання повної матеріальної відповідальності за незаконне звільнення або переведення на іншу роботу, відповідальність за порушення дисципліни праці, удосконалення еколого-правових принципів, об'єктів права користування лікувально-рекреаційним фондом.

Заслугують на увагу статті, в яких досліджуються важливі питання цивільного процесуального права, зокрема, цивільної процесуальної правосуб'єктності і процесуальної форми у цивільному судочинстві.

Проблемам боротьби зі злочинністю присвячені статті з кримінального і кримінально-процесуального права, а також кримінології. Автори розглядають питання співвідношення родових об'єктів злочинів проти порядку управління та службових злочинів, правового стану начальника слідчого відділу, порушують проблеми латентної злочинності, сучасного ігорного шахрайства, діяльності по попередженню злочинності неповнолітніх у США та деякі інші.

Науково обгрунтовані пропозиції та практичні рекомендації щодо вдосконалення чинного законодавства і правозастосовчої діяльності стануть у нагоді усім спеціалістам-юристам, а також широким колам громадськості.

О.В. Тарасов, канд. юрид. наук

Е.Б. Ручкин

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ “ПРЕДМЕТ” И “СФЕРА” ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В последние годы наряду с традиционно употребляемой в отечественной правовой науке категорией “предмет правового регулирования”, отражающей специфические черты, свойственные юридически значимым социальным связям, отдельными учеными предпринимаются попытки введения в ее понятийный строй новой абстракции, терминологически обозначаемой “сфера правового регулирования”. Принимая во внимание недостаточность существующего категориального аппарата для адекватного отображения некоторых аспектов правовой действительности и связанные с этим дополнительные трудности в разрешении ряда актуальных проблем, касающихся воздействия права на общество, такие усилия, по-видимому, следует признать своевременными. Вместе с тем необходимо помнить, что полезность упомянутой и других подобных новаций в зна-

чительной степени зависит от того, насколько органично они вписываются в уже сложившуюся систему теоретических обобщений. В любом случае их использованию в научном обиходе должно предшествовать убедительное обоснование соответствующей потребности с обязательным отграничением последних от близких, но не тождественных понятий. К сожалению, указанные требования методологического характера не всегда в полной мере учитываются исследователями, обращающимися к данной проблематике.

Так, не совсем ясно, есть ли смысл различать предмет и сферу правового регулирования, если и первый, и вторая рассматриваются как совокупность общественных отношений, которые могут и должны быть урегулированы правом (правда, при таком подходе в сферу правового регулирования включают и отношения, “уже подвергнутые правовой регламентации” и кроме того еще ряд явлений социальной жизни, но это, думается, мало что меняет по сути) [5, с. 108, 319].

В некотором уточнении нуждается и позиция П.М. Рабиновича, отождествляющего предмет правового регулирования с совокупностью общественных отношений, урегулированных правом, а сферу правового регулирования — с социальным пространством, на которое распространяется правовое регулирование [7, с. 145, 146]. Само по себе пространство, как известно, помимо возможности быть заполненным чем-либо (в нашем случае — теми же общественными отношениями, которые, будучи формой определенного поведения людей, тоже “пространственны”), не обладает никаким другим свойством. Но тогда, в чем, собственно, специфика?

Малоубедительным представляется подход Р.З. Лившица, понимающего под предметом правового регулирования социальные связи, испытывающие воздействие одной отрасли права, тогда как к сфере правового регулирования он причисляет все отношения, регулируемые правом, вне зависимости от их отраслевой “прописки” [3, с. 94]. Это вызывает недоумение еще и потому, что понятие “предмет правового регулирования” применяется и для фиксации типичных признаков отношений, опосредуемых нормами определенной отрасли права, и в более общем плане для отображения всех социальных связей, упорядочение которых достигается юридическими средствами.

И тем не менее основания для разграничения предмета и сферы правового регулирования как самостоятельных понятий, каждое из которых отражает различные стороны правовой реальности, все же имеются. Дело в том, что правовое регулирование представ-

ляет собой осуществляемое с использованием специфических инструментов (норм права, правоотношений) и сообразное его целям результативное, преобразующее воздействие на общественные отношения, сопровождающееся существенными изменениями их структуры и содержания. Так, с экстраполяцией регулятивной энергии права на определенные области социальной жизни в них наблюдается установление новых, упрочение, корректировка, частичное либо полное вытеснение уже сложившихся форм социального взаимодействия, а под другим углом зрения — согласование поведения соответствующих субъектов с требованиями правовых норм. Отмеченные изменения отнюдь не случайны, напротив, они свидетельствуют о качественном преобразовании данных участков общественного бытия и обусловлены их переходом в иное состояние — состояние урегулированности. А коль скоро процесс правового регулирования сопряжен с переводом отношений, опосредуемых правом, в новое качество, встает вопрос о понятийном освоении по меньшей мере двух аспектов этого воздействия, один из которых касается объекта последнего (разнообразных общественных отношений, подвергающихся юридической регламентации), а другой — его результата: возникновения особой области социального существования, чье своеобразие заключается в непосредственном влиянии права на ее организацию и функционирование. Решение указанной задачи и обеспечивается, соответственно, с помощью понятий “предмет” и “сфера” правового регулирования.

С учетом изложенного возможны такие их определения.

Предмет правового регулирования представляет собой совокупность общественных отношений, регулируемых правом, обобщенная модель которых находит свое опосредованное закрепление в юридических нормах и лежит в основе построения всей системы нормативно-правового регулирования.

Вышеприведенное определение требует некоторых пояснений. Прежде всего необходимо отметить, что предмет правового регулирования следует рассматривать как абстракцию общественных отношений, регламентируемых юридическими нормами, “взятых” в их изначальном, неупорядоченном состоянии. В известном смысле указанное понятие может быть охарактеризовано как предправовое, поскольку явления социальной жизни, мысленным аналогом которых оно выступает, еще не несут на себе “отпечатка” права. Собственно в этом и состоит его назначение — отражать общественные отношения в том виде, в каком данные отношения существуют. И значит, более точной будет дефиниция предмета правового регули-

рования как совокупности отношений именно “регулируемых”, а не “урегулированных” правом:

Важно обратить внимание и на другую особенность этой категории. Предмет правового регулирования (как абстрактная модель общественных отношений) находит свое опосредованное (ввиду преломления в целях, которые преследуют субъекты правотворчества, конструируя с помощью юридических средств различные формы поведения людей в конкретных жизненных ситуациях) закрепление в правовых нормах, направленных на урегулирование отражаемых им отношений. Зная упомянутые цели, всегда возможно путем анализа юридических норм “воссоздать” предмет правового регулирования, получив достаточно полное о нем представление, которое, однако, будет адекватным содержанию этого понятия лишь на момент урегулирования соответствующих социальных связей. Поэтому под определенным углом зрения правовые нормы могут рассматриваться как опосредованное и статичное отображение предмета правового регулирования. И здесь кроется объективно существующее противоречие между реальными общественными отношениями, находящимися в постоянной динамике и развитии, в абстрактном виде отражаемыми понятием “предмет правового регулирования”, и одномоментной фиксацией их признаков в правовых нормах, которые должны эти отношения регулировать. Преодолению данного противоречия и служат все известные способы приведения юридической формы в соответствие с потребностями общества в праве, а именно: разнообразные виды толкования правовых норм, использование аналогии права и закона, индивидуально-правовое регулирование и, наконец, практика неприменения отдельных наиболее неэффективных (и чаще всего неправовых по своей природе) норм.

Что же касается *сферы правового регулирования*, то в целом вполне приемлемо ее определение как области социального пространства, охватывающей общественные отношения, упорядочиваемые правом, а также определенный круг социальных и иных явлений, материальных и идеальных объектов, имеющих значение для их функционирования.

Положительной стороной определения сферы правового регулирования как социального пространства, предложенного П.М. Рабиновичем, является акцентирование внимания на том обстоятельстве, что она имеет некоторый объем, а следовательно, и свои пределы. Вместе с тем в нем нет ответа на вопрос о содержании этой сферы. Недостаточность определения сферы правового ре-

гулирования только как совокупности общественных отношений подметил уже В.В. Лазарев, одним из первых применивший сферный подход при исследовании правовых явлений, полагающий, что в нее входят также и “сопровождающие их (отношения) жизненные факты и обстоятельства” [2, с. 64]. Аналогичную позицию, правда, по вопросу о составе предмета правового регулирования, занимает и В.Н. Протасов, рассматривающий его как сложное образование, включающее помимо самих общественных отношений юридические факты и объекты правовой деятельности [6, с. 36-39]. Думается, однако, что понятие “предмет правового регулирования” не следует перегружать отнесением к нему всех перечисленных элементов, поскольку право не регулирует ни названных ситуаций, ни тем более объектов, по поводу которых возникают соответствующие отношения, хотя учитывать их при регламентации каких-либо сторон социальной жизни необходимо. А вот абстракция “сфера правового регулирования” пригодна для отображения всего круга упомянутых явлений, обособляемых по признаку вовлеченности последних в процесс правового регулирования.

Развивая вопрос соотношения понятий “предмет” и “сфера” правового регулирования, отметим и тот момент, что сферный подход к освоению правовой действительности связан с ее восприятием как целостной функционирующей системы (или же вычленением в ней отдельных подсистем), тогда как использование предметного критерия (особенно на уровне отраслей права) скорее состоит в ее рассмотрении в виде совокупности хотя и качественно однородных, но разрозненных фрагментов.

Право есть социальная реальность и являет собой единство сущности (идеи, принципа) права и определенных форм ее объективации. Адекватным и необходимым выражением права в его официальной признанности, общеобязательности, определенности и конкретности (права как юридического феномена) выступает правовой закон (в широком понимании этого термина) [4, с. 36]. С учетом производности категории “правовое регулирование” от категории “право” обозначенная позиция не согласуется с отнесением к сфере правового регулирования наряду с уже опосредованным правом социального пространства, где только ощущается сходная потребность. Кроме того, данная трактовка игнорирует качественные отличия, имеющиеся между указанными секторами социального спектра, не позволяющие рассматривать их в виде единого целого. Точно так же, как нельзя допускать смешения категорий “должное” и “сущее”, “возможность” и “действительность”, не следует объединять в рам-

ках одного понятия представления о том, что есть, и тем, что могло бы быть при определенных обстоятельствах. Тем более, что такая позиция не способствует четкому уяснению места права в системе социального регулирования и по сути является одним из проявлений правового релятивизма. Отождествление сферы правового регулирования с более обширной областью отношений, нежели находящейся в зоне действия нормативных установлений защищаемых государством, получило бы известное оправдание в связи с признанием правовой природы и иных видов социального нормирования, обладающих сколь-нибудь значимым регулятивным потенциалом. Но здесь мы уже выходим за рамки собственно правовой проблематики.

Право существует лишь постольку, поскольку оно действует, так или иначе проявляет себя в социальной среде. Поэтому при установлении объема правовой сферы следует основываться не на правовых притязаниях различных субъектов и даже не на анализе содержания действующих юридических норм (во всяком случае, не только на нем), а на выявлении тех участков общественных отношений, где обеспечивается воплощение юридически должного в фактическую правомерную деятельность людей. Если же упорядочивающее воздействие на общество, реализуемое посредством права, не влечет за собой в силу разных причин никаких социальных последствий, то навряд ли представляется уместным говорить о правовом регулировании (а следовательно, и о его сфере) в том смысле, который обычно вкладывают в это понятие.

Определенный интерес в данном контексте представляет позиция П.М. Рабиновича, предлагающего различать сферы возможного, необходимого, законодательного и правореализующего регулирования, хотя при этом трудно согласиться с включением в правовую сферу всех отношений, фактически подвергнутых юридическому опосредованию. По-видимому, более правильным и с содержательной, и с формальной точек зрения было бы выделение сфер правового и законодательного регулирования, а наряду с ними и сфер правовой и законодательной регламентации, поскольку не всякое нормативное установление, апробированное государством, является правовым по своей природе. Даже принимая во внимание "диалектику права как социального регулятора, которая предполагает в нем как позитивные, так и негативные стороны", явно несправедливые юридические нормы нельзя признать правом, равно как нельзя отождествлять со сферой правового регулирования участки социального пространства, подверженные их действию [6, с. 78, 79].

Список литературы: 1. Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере//Сов. государство и право. - 1992. - № 1. 2. Лазарев В.В. Определение сферы правового регулирования//Правоведение. - 1980. - № 5. 3. Лившиц Р.З. Теория права. Учебник. - М.: Изд-во БЕК, 1994. 4. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. - М.: Издат. группа ИНФРА М. - Норма, 1997. 5. Общая теория права и государства: Учебник//Под ред. В.В. Лазарева. - М.: Юрист, 1994. 6. Протасов В.Н. Что и как регулирует право: Учеб. Пособие. - М.: Юристъ, 1995. 7. Рабинович П.М. Основы загальної теорії права та держави: Посібник для студентів спеціальності "Правознавство". - К., 1994.

Л.В. Авраменко

МЕХАНИЗМ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ

В научной литературе лишь вскользь упоминается о структуре и механизме преемственности в праве. Специальной постановки такой проблемы не было, а следовательно, отсутствует рассмотрение элементов структуры и механизма этого явления. Данная статья посвящена вопросу механизма преемственности в праве.

Преемственность в праве, может быть "эксплицитной", или "сознательной", т.е. на официальном государственном уровне, и "имплицитной", или "несознательной", т.е. происходит стихийно. Предметом нашего изучения является эксплицитная преемственность, которая имеет социально-правовой характер, представляет собой социальное действие. Это действие происходит прежде всего в сфере юридической деятельности (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной, контрольно-надзорной, судебной, следственной и т.п.), и само является его частью. Поэтому преемственность в праве на официальном уровне можно считать своеобразной юридической деятельностью, но не самостоятельной, а органично слитой с иными формами юридической деятельности и прежде всего с законотворческой. Здесь уместно вспомнить, как трактуется понятие "преемственность в праве" в изложении Н.П. Колдаевой, которая усматривает в преемственности фактор законодательной деятельности (2, с. 141).

Не все в преемственности вкладывается в понятие специфической юридической деятельности, процесс преемственности протекает неорганизованно, спонтанно, однако ее стержнем, основой является правовая деятельность.

Преемственность в праве как специфическая юридическая деятельность по отбору и перенесению на национальную почву элементов предшествующей или рядом функционирующей правовой системы имеет свою структуру, механизм, стадии.